

UNIVERSITY OF NIŠ
The scientific journal FACTA UNIVERSITATIS
Series: **Linguistics and Literature** Vol.1, No 5, 1998 pp. 293 - 299
Editor of series: *Nedeljko Bogdanović*, e-mail: nedbog@filfak.ni.ac.yu
Address: Univerzitetski trg 2, 18000 Niš, YU, Tel: +381 18 547-095, Fax: +381 18 547-950
<http://ni.ac.yu/Facta>

СУМАТРАИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНИЗМА

UDC 886.1(091)"19"

Миролюб М. Стоянович

Философский факультет Университета в Нише

Резюме. *Исходя из биографических данных, культурной и литературной деятельности, а также общественной обстановки Милоша Црњанского, в начале статьи дается попытка утвердить причины его чувства отчужденности. Потом, анализируя его поэзию и прозу утверждаются слои импрессионистической школы, т.е. идут поиски взаимодействия между философией экзистенции, выдающихся представителей европейского экспрессионизма и произведений Милоша Црњанского.*

Следя за мыслью Пастернака,¹ что каждый писатель в основе пишет автобиографию своего детства, мы стараемся в детстве Милоша Црњанского поискать причины его чувства угрозы или хоть бы причины развитой чувствительности к угрозе экзистенции других. Трудно поверить, что потеря отца в самой ранней молодости, когда мысль еще недостаточно возмужала, чтобы найти выход, когда физическая беспомощность подчеркивает опустошенность каждой другой беспомощности, не оставила следа на его психической личности. Этому, непременно способствовало его обучение в Панчеве и Темишваре, Виене, на Риеке и в Белграде, в которых также жил в одиночестве - в этом случае и без матери. Его чудачество как единственного сына у матери не могло скрыть ранимость его души.

В этом мы узнаем Керкегора,² которого Црњанский часто цитирует в своей прозе, относящейся к описанию путешествий и в записках о Гиперборее,³ а также, когда пишет о граничных ситуациях человеческого существования,

Received December 1, 1997

¹ Смотри: Милан Гурчинов - *Анијонимијајиа РОМАНТИЗАМ - РЕАЛИЗАМ на њоејшката на Б.Л. Пастјернак*, Пастернак, Култура, Скопје, 1987, с. 49-60.

² Серен Кјеркегор - *Појам стјрејње*, СКЗ, Београд, 1970, Коло LXIII, кн. 426.

³ Милош Црњански - *Код Хиперборејаца*, Просвета (и другие издательства), Београд, 1966.

когда человек глубоко субъективно осознает страх как нечто наивысшее, как доминантную увлеченность экспрессионистической души.⁴

Участие в первой мировой войне, на двадцать первом году его жизни, на одном из самых кровавых полей битвы, в Галиции, на котором с отступлением каждой минуты степень риска росла, Црнянского приблизило к группе писателей, которые воевали за счет других, чужих коллективных снов, которые не только видели, но и узнали эфемерность человеческой жизни и невидимые размеры пространства и времени. Здесь много отдельных экзистенций часто прерывалось совсем независимо от индивидуальных желаний, стремлений, мотивов и действий.

В этих моментах как будто в молодом Црнянском стало укрепляться сознание о напрасности и опустошенности каждой отдельной экзистенции, о том, что все в мире происходит совсем независимо от воли человека, что какая-то высшая сила определяет течения действительности и, что ее вражеская воля чаще всего обратно пропорциональна степени романтического вдохновения отдельной личности и степени идеализации ее цели. Здесь надо вспомнить его стихотворение *Судьба*,⁵ написанное и опубликованное еще когда поэту было пятнадцать лет, в котором идеализированную гармонию беззаботного плавания уничтожает, ничем субъективным не мотивированная, внезапная буря. Так выяснилось, что отдельная жизнь является только каплей в море жизни, только камушком в огромной мозаике, которая декомпонуется "вопреки прохождению птиц, которые из тьмы, по его словам, влетят в освещенный зал и снова вылетят в тьму".⁶ Сознание о сохранении общей картины жизни вопреки стольким отдельным смертям нашло свою оптимистическую исходную точку в идее реинкарнации, в мысли о единстве мира и всего проживающего в нем, в взаимодействии всех краев, местностей и пространств, ибо, пока здесь исчезает одна человеческая жизнь, где-то далеко, в каком-то другом конце мира, рождается какой-то другой человек, растение или зверь.⁷

Это был стимул к стремлению писателя к далекому и неизвестному, к предпринятию многочисленных путешествий: во Францию, Испанию, Италию, Грецию, на Скандинавский полуостров. В дальнейшем он посетит и Германию, Португалию и Англию. Несмотря на то, что везде мог любить столько, сколько исследовательское, а можно сказать и авантюристическое определение было овозможено, ясно, что нигде не был дома, что везде себя чувствовал гостем на короткое время, чувство неукоренности в среде, значит чувство временности, которое позднее так суггестивно будет перенесено в Исаковичей⁸ и в князя Репина, а также и в госпожу Надю.⁹

Црнянский интересуется ренессансным искусством (изобразительное искусство, скульптура и пластика, а читатель-слушатель и сам догадается по каким причинам его специально интересуется Микеланджело как поэт и его

⁴ Зоран Константиновић: *Експрессионизам*, Обод, Цетинье, 1967.

⁵ Милош Црњански: *Судба*, 1908, написанная во время учебы писателя в Темишваре.

⁶ Милош Црњански: *Сеобе*, 1929.

⁷ Милош Црњански: *Сумаштра*, Српски књижевни гласник, Београд, 1 октобар 1920.

⁸ Милош Црњански: *Сеобе*, Београд 1929; *Друга књига Сеоба*, Београд, 1962.

⁹ Милош Црњански: *Роман о Лондону*, Београд, 1971.

мать),¹⁰ французской литературой и театром, в частности Пикассо; японской и китайской поэзией, классической культурой, славянством и Гоголем. Следя за Исидорой Секулич,¹¹ и он будет восхищаться странами Скандинавского полуострова, которые называет Гипербореей, в которой кристаллизуется не только природа, но и мысль. В ней нет медитеранской горячей аморфности, ни славянской сентиментальности и патетики. В пьесах Ибсена и Стриндберга он найдет часть того, что разыскивал, ту мысль искусства и философии Керкегора, выдвигающуюся над региональным и национальным, то, что интересует всех людей мира. Из этого следует, что не надо удивляться, что он так пламенно защищал писателей от их земляка Торстена Рослина и что так умело и дискретно скрывает влияние Керкегора.

Приезд Црњанского в Белград после первой мировой войны связан с одним признанием и с одним разочарованием. Признание ему указал Богдан Попович,¹² пригласивши его сотрудничать в журнале *Српски књижевни гласник* (*Сербский литературный вестник*) и опубликовавши его стихи *Суматра* и *Објашњење Суматре* (*Толкование Суматры*), чем было позволено представиться поэту, которому хочется писать "мало новые стихотворения"¹³ и показать свои теоретические и эстетические определения. Однако сборник *Лирика Итаке*¹⁴ поразил критику, а потом последовали острые нападения.

Этим сборником Црњанский недвухсмысленно и самым практическим образом дает знать, что ему не хочется "стать членом" патриотического хора, членами которого являются Ракич, Дучич, Шантич, Елич, Бойич и другие, которые своими стихами оживают сербский патриотический сон романтической провинции. И он, как и большинство упомянутых поэтов, считает, что история человечества в своей основе представляет собой историю человеческого сна, но по отношению ко сну он выделяет две существенные разницы: первая, когда усваивает положение Аристотеля о праве каждого поэтического индивидуума на собственный сон и, другая, происшедшая из первой, что поэт, пишущий стихи только о своем сне, не переносит сон как таковой, но его импликация на человеческое существование. Таким образом, он дает возможность каждому индивидуальному сну оформить более выразительный рельеф общего сна, а также и выскочить из системы (унисонного писания стихов на за-

¹⁰ Милош Црњански: *Љубав у Тоскани, Београд, 1930.*

¹¹ Исидора Секулић (1877-1958) сербский писатель под влиянием скандинавской и немецкой литературы, обучалась в Будапесте и в Германии. Она стала известной своими психологическими рассказами (*Кроника џаланачког гробља*, Београд, 1940), описаниями путешествий (*Писма из Норвешке, 1914*) и эссе (очерками). Она является членом SANU. Многие ее считают сербской Вирджинией Вулф.

¹² Богдан Поповић (1863-1944). Писатель, эссеист, литературный и художественный критик. Профессор Университета в Белграде, член SANU. Он обучался в Белграде, в Париже и является основоположником и первым редактором самого известного сербского литературного журнала (*Српски књижевни гласник*). По мнению некоторых критиков, он еще до появления Сосюра своей эстетической теорией анализа "ряд за рядом", заранее уведомил появление структурализма.

¹³ Милош Црњански: стихи *Пролог*.

¹⁴ Сборник стихов опубликованный в 1919г. В этом издании три цикла: *Видовданске џесме*, называемые поэтом политические и в которых поэт отрицает блестящее прошлое сербского народа (смотри стихи *Сјомен Принципу*); *Нове сенке* и *Стихови улице*

данную тему), которая, по потребности, все делает безобразным, индивидуальную экзистенцию поэта сводит на обычную функцию.¹⁵

В этих идеях Милоша Црнянского, высказанных в программной *Суматре* (а также и в *Толковании Суматры*), по которым вся экспрессионистическая волна в сербском искусстве называется суматраизмом (Растко и Надежда Петровичи, Сибе Милачич, Момчило Настасиевич, Ранко Младенович и другие) узнаем писателей от Уолта Уитмена, Штадлера, Рилке до Толлера и других.

Так Црнянский почти одновременно с фовистами (Матис, Фламен, Дерен, Руоа) во Франции, с представителями группы *Мост* в Германии - Кихнер, Хеккель и другие, с Маринетти в Италии и с группой около Хлебникова в России, начинает свой бунт в Белграде.

Еще от Шарля Бодлера и его *Цветов зла*¹⁶ право на существование в поэзии получила тематика некрасивого и отвратительного, ужасного и вульгарного, а Бодлер, Рембо, Верлен и Малларме отошли от принципа гармонии в поэзии, вывели на путь метафизики, к поэзии без каузальной связи между частями. Црнянский в поэзию ввел женщин с улицы, подшутил над женщинами, "которые были все из изящного мяса",¹⁷ так как ими не возбуждался как Дучич, изгнал симметрию и языковую норму, его стих получает другую внутреннюю гибкость и ритм рифмы и метр заменяются ассонансно-аллитерационной структурой стиха и звуковыми фигурами.

Этим Црнянский сопротивлялся основателям так называемого *белградского стиля* - Богдану и Павлу Поповичу, Йовану Скерличу и другим самыми выразительными представителями и образцами которых являлись именно Йован Дучич и Милан Ракич.¹⁸ Они настаивали на системе и коллективе. Если же пойти от системы как совершенства, тогда принадлежность индивидуума такому совершенству в нем должно вызвать чувство личной неполноты, так как то, что является полным и совершенным, не имеет возможность перемен, становится окончательным. Благодаря такой позиции в системе отношений поэт оказывается перед дилеммой: остаться в живых, т.е. стать составной частью механизма, в котором функционирует по общим, однажды на всегда данным, правилам или *осознать сомнение, опасением страх, а также и любовь и остаться человеком*; даже и под угрозой опасного наказания *богами с Олимпа*. Итак, в другой альтернативе имеется риск, но она открывает путь к будущему, ибо, по словам Юнга, нет дорожки, ведущей из совершенства в будущее. Сходно этим сознаниям, определение Црнянского представляет собой бунт против системы, не дающей возможности реализации потенциала индивидуальной дифференциации.

Однако, было бы ошибочно таково положение поэта отождествить с его апстиненцией от стремления к идеальному. Наоборот! это стремление у него

¹⁵ Смотри комментарии автора и толкования из сборника *Лирика Ийяке*.

¹⁶ Charles Baudelaire: *Fleurs du mal*, 1857.

¹⁷ Милош Црнянски: *Дневник о Чарнојевићу*, Београд, 1921.

¹⁸ Милан Ракич (1876-1938) и Јован Дучић (1871-1943). Они являются самыми известными поэтами, представителями сербского символистического поэтического творчества, основоположниками так называемого белградского стиля. Долгое время они являлись образцами молодым поколениям, несмотря на то, что после 1945-ого года по политическим причинам не были особенно популяризированы.

совсем индивидуалистическое и оно создается из чувства угрозы единичной (в *Переселениях* и коллективной) экзистенции и из потребности восстановления иных отношений и новой иерархии и ценностей. Это является той мысленной предпосылкой произведения Милоша Црнянского, которая его делает гуманным, жизненно убедительным и эстетически эффективным.

Экзальтированная, романтическая преданность его героев своим идеям является той точкой, в которой соприкасаются, а также и радикально разъединяются два течения в сербской литературе первых десятилетий двадцатого века. У них общее вдохновение, но различна проекция этого вдохновения. Пока Ракич, Дучич, Бойич... восхищаются коллективной идеей и видовданским мифом, у Црнянского герои восхищаются своими собственными идеями. У этих писателей различно понятие совершенства. Для первых в основе совершенства находится чувство полноты, выполненности в системе, в принадлежности к группе, а основное начало совершенства у Црнянского неполнота, подразумевающая переменную, изменение элементов глобальной экзистенции, стремление к индивидуальной самопроекции в идеальное.

Это и привело к недоразумению.

Свой цикл *Видовданске песме (Видовданские стихотворения)* - в сборнике *Лирика Итаке*, Црнянский называет политическими стихотворениями прежде всего потому, что в них ему хотелось привести в сомнение патриотический пафос, *пишущих стихотворения как будто платят налог*, по должности с которой не видели, что *блеск сильных воинов без манны и страха* имел свою цену в аисте себров. Он, значит поет о видовданском мифе¹⁹ не из перспективы поэта с государственно-созидательной идеей раннего девятнадцатого века и народной эпике, а из перспективы себров, бросающей тень на блеск и неустрашимость феудальца, описанного как насильника.

Это было совсем достаточно для того, чтобы его упрекнули за предательство национальной традиции, за разрушение святого видовданского мифа и, по крайней мере за национальный дефетизм. При этом вспоминали, что в первой мировой войне он был австрийским офицером, а нередкими являлись и неприятные инсинуации за счет членов его семьи.²⁰

Таким образом, над романтическим возвращением воина в прародину подшутила *Итака*, так как ни ему как к Одисею ничего не было так, как он надеялся и таково, как он ожидал. Никому не пришло в голову сравнивать две проявленные любви в сербской поэзии того времени: любовь к выбранным личностям или, точнее, любовь к правящему слою средневекового государства с любовью к народу в нем. На деле оказалось, что у человека в системе в конечном, априорном порядке нет никакого шанса. Надо ли тогда удивляться, что никто не заметил тот факт, что его *Писма из Париза (Письма из Парижа)*, полные теплыми воспоминаниями о многих домашних краях, что вставал в защиту Сербии и его городов, что радовался сербскому знамени,

¹⁹ Видовданский миф связан с самым большим военным поражением в истории сербского народа, совершившимся на Видовдане, 28 июня, 1389-ого года, на Косове в борьбе с турками. После этого турки владели Сербией больше четырехсот лет.

²⁰ Смотри комментарии при сборнике *Лирика Ийтаке*, в частности при *Ја, ти и сви савремени њарови*.

что подчеркивал ценности поэзии Лазы Костича, комедиографии Йована Стерии Поповича, что восхищался Негошем и гордился драматургией Ива Войновича; что его *Любовь в Тоскане* помимо всего восхваления искусства ренессанса пропитанная многочисленными теплыми воспоминаниями о Сербии и ее краях?!²¹

В известном смысле эта ипотека для Црнянского была роковой. В посольствах в Риме и Берлине никогда не был на более высоком месте по службе, чем атташе для печати, а его *Книга о Германии* становится маслом на огне лиц, оспаривающих его. Все замечают, как он восхищался *немецким хозяйственным чудом*, но никто не замечает, что он говорит о имитаторском духе этого чуда и критикует немецкий менталитет (склад ума).²²

До тех пор Црнянский уже написал стихотворения *Стражилово* и *Сербия*, но и их никто не хотел заметить, вопреки тому, что они вместе с *Ламентом над Белградом* принадлежат ряду самого патриотического, что написано на сербском языке.

После второй мировой войны правительство связывало всю его жизнь и всю литературную политику по отношению к нему за тот факт, что он из Ромы, в которой был атташе печати в Посольстве Королевства Югославии, присоединился к королевскому правительству в Лондоне. Так снова, но на этот раз во имя одного нового патриотизма, на писателя выпала анафема, при чем никто не заметил, что и англичане его приняли с недоверием из-за его знакомства с графом Чано и *Книги о Германии*, что за ним следили и западные и восточные доносчики и шпионы, что он после падения правительства Симовича в конце 1941 года проживал распродавая гардероб своей жены и куклы, ею деланные, что сторонился политики и членства в политических организациях и в разных "патриотических" комитетах и что никогда ничего плохого не написал о своей стране. Но, несмотря на всё, все знают, что он является предателем и фашистом. Народный предатель, который писал стихи о народе и любил, "если в самом деле и надо кого-нибудь любить, надо любить наиболее пострадавших. Это пока мы!" Так Црнянский был "фашистом" и в Лондоне, воевавшем против фашизма?!²³

Так снова, надеемся, что это хорошо видно, судьба иронично подшутила над ним.

Несмотря на то, что биографический метод в период появления других, новых и авангардных критических поступков считался анахронным, мы думаем, что невозможно не взять во внимание события из жизни Црнянского при освещении его произведения. Нам также хотелось бы указать на его литературный и философский опыт и, в частности, на подчеркнутый интерес к экспрессионистической литературе и к экзистенциализму Керкегора, а также и к феноменологии Хайдегера, которые, без всякого сомнения, в более позд-

²¹ Милош Црњански: *Писма из Париза*, 1921.

²² Милош Црњански: *Књига о Немачкој*, 1931.

²³ После 1945-ого г., до возвращения Милоша Црнянского в Югославию (1965), его не было в программе по литературе для средней школы, а также ни в программе по сербской литературе в университете. Таким образом многие поколения учащихся и специалистов должны были самостоятельно находить информацию об этом писателе.

ней фазе литературного творчества влияли на укрепление идейной вертикали опуса, заложенной еще в 1908-ом году, когда ему было только пятнадцать лет. Еще в это время Црнянский предчувствует, что осуществлению идеального сопротивляется какая-то невидимая везде присутствующая мощная сила, имеющая право быть идеальной и при этом показывает ясно выраженную, неприкосновенную волю. Сходно этому она не защищает стремление идеального желания к самопроекции в идеальное, но каждое приближение к идеалу делает невозможным. Божественное не может быть дано ни объекту, ни растению, ни животному, а также ни человеку, несмотря на то, что каждый из них имеет право "свободного выбора".

На путь к идеальному может пойти только то, что является исключительно красивым, особенно чувствительным, одаренным исключительными страстями. Оно в состоянии замороженности великой идеей чаще всего теряет связь с реальным, отделяется от почвы и становится не только ранимым, но и победимым. Таким образом, в произведениях Црнянского актуализируется мотив борьбы между Геркулесом и Антеем, в которой Антей никогда не погиб бы, если бы его не подняли с земли. С другой стороны, этим актуализируется вопрос гибриса, ибо его герои, покидая поле реального и приближаясь к идеальному, совершенному и конечному, общему и вечному, заслуживают быть наказанными, потому что перешагнули свои компетенции и свои силы, потому что только априорная сила имеет право на априорную позицию. Все, что попытается к ней приблизиться, грозит опасностью быть осмеянным, возвращенным в рамки, из которых вышло, в реальность, даже может быть и уничтожено.

Однако, судьба у Црнянского не является изображением конечного суда, апокалипсиса из-за которого остается опустошение уничтоженных пространств и времени и рай для избранных. Понятие судьбы у Црнянского имеет характер языческого бога или мифа, в котором осуществляется измирение бдительного сознания и природы, в котором и время, и явление, и живой мир, циклически повторяются и возобновляются, находятся в постоянных метаморфозах и реинкарнациях, в непрерывном усвершенствовании содержания, духа и формы. Может быть, так и надо толковать и его *суматраизм*. Суматраизм Милоша Црнянского является исходной точкой из напрасности, опустошения и бессмысленности каждой индивидуальной экзистенции ограниченной волей судьбы.

SUMATRAIZAM MILOŠA CRNJANSKOG U KONTEKSTU EVROPSKOG MODERNIZMA

Miroljub Stojanović

Polazeći od biografskih podataka, kulturne i književne aktivnosti kao i od društvenog okruženja Miloša Crnjanskog, u članku se najpre nastoje utvrditi razlozi za njegovo osećanje otuđenosti. Potom se, analizom njegove poezije i proze, utvrđuju nanosi ekspresionističke škole, odnosno pronalaze korelati između filozofije egzistencije, markantnih predstavnika evropskog ekspresionizma i dela Miloša Crnjanskog.